

ВОЛКИ И ОВЦЫ.

РОМАНЪ ВЪ ТРЕХЪ ЧАСТЯХЪ.

Л. Л. Нолышко.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія Князя В. П. Мещерскаго, Спасская ул., д. № 27.

1901.

ЧАСТЬ I.

Гл. 1.

На Уралѣ есть рѣчка, называемая Искрой. Она почти на 300 фут. надъ уровнемъ моря; вода въ ней прозрачна, дно каменисто. Въ ней живетъ рыба, какой не находятъ ни въ Волгѣ, ни въ Камѣ. Къ ней примкнули поселки и заводы, гдѣ жизнь бурлитъ, какъ волны въ этой капризной рѣчкѣ.

Не мало ей пришлось потрудиться, чтобы отвоевать себѣ извилистое ложе у подножія насупленныхъ великановъ. Оттого они такъ непривѣтливо смотрятся въ нее оцетинившимися верхушками, не покидая своей суровости даже тогда, когда на днѣ прозрачной рѣчки встрѣчаютъ голубой сводъ неба и перистыя, розоватыя облачка. Но, чуть вѣтеръ завоетъ въ ущельѣ, Искра мститъ своимъ угрюмымъ сторожамъ: воркотня ея переходитъ въ ревъ, она карабкается на скалы, рветъ, мечетъ, ломаетъ. Достается тогда и камню и человѣку.

1*

А, спустя часъ-другой, она опять прозрачна, опять возится съ небомъ, съ облаками и опять подсмѣивается надъ угрюмыми великанами, не могущими раздѣлаться съ облѣпившими ихъ тучами. Искра быстро сердится, но и быстро отходитъ; а ея насупленные сторожа не скоро выходятъ изъ своего угрюмаго покоя, но зато и не скоро стряхиваютъ слѣды злости.

Много прихотливыхъ изгибовъ дѣлаетъ Искра, много прелестныхъ видовъ открывается ея теченіемъ; но, врядъ-ли есть мѣста, красивѣе *Голубого* и *Чернаго* Серпа. Такъ называются два поселка-завода. Здѣсь теченіе рѣки, огибая двѣ особенно высокія горы, образуетъ собою какъ-бы два серпа, сложенные вогнутыми сторонами. Глядя съ верху, кажется, что вода въ одномъ изъ изгибовъ — темная, а въ другомъ — голубая. Оба Серпа извѣстны на Уралѣ мѣсторожденіями каменнаго угля. Голубыя и Черныя копи, какъ ихъ здѣсь называютъ, принадлежатъ двумъ частнымъ владѣльцамъ: первыя — инженеру Бѣльскому, вторыя — купцу Рожнову. Эти копи разработаны недавно, съ проведеніемъ желѣзной дороги.

Въ одно прекрасное іюньское утро Алексѣй Петровичъ Бѣльскій ходилъ по узенькой площадкѣ автоматической желѣзной дороги, соединявшей его шахту съ на-грузочной станціей. Эта дорога только что имъ выстроена. На трехъ скатахъ, перпендикулярно другъ къ другу, уложены по двѣ пары узкихъ, какъ-бы игрушечныхъ рельсъ, и по нимъ на проволочномъ канатѣ бѣгаютъ вагонетки: груженныя, тяжестью своей, тащутъ вверхъ пустыя. На каждой площадкѣ (колѣнѣ), рабочій останавливаетъ ихъ, поворачиваетъ и направляетъ дальше. Пу-

стыя вагонетки исчезаютъ въ черной пасти главной штольной, названной—Маринской, а груженные подаютъ уголь къ полотну желѣзной дороги. Этотъ способъ автоматической подачи угля изъ шахтъ къ вагонамъ, крайне простъ и выгоденъ: ни сутолки, ни путаницы и минимум затратъ. Бѣльскій, которому принадлежитъ и мысль и исполненіе ея, могъ-бы гордиться. Нагрузка угля обходится теперь гораздо дешевле и происходитъ вдвое скорѣе. Точно змѣйки блестятъ новыя, съ иглочки, рельсы; точно пчелы жужжатъ граціозныя вагонетки. А насыпи красиво усыпаны щебнемъ, площадки тщательно выравнены, буфера и поворотные круги работаютъ гладко, безъ шума, люди наловчились. Красиво, жизненно и споро.

А между тѣмъ, въ это прекрасное лѣтнее утро, когда на небѣ не было ни тучки, а горный воздухъ, какъ вино, бодростью и силой вливался въ грудь,—Бѣльскій нервничалъ и злился. Это видно было по его походкѣ и потому, какимъ жестомъ онъ закуривалъ и швырялъ недокуренныя папирасы. За нимъ изподлобья слѣдилъ молодой человѣкъ, стоявшій тутъ-же, съ записной книжкой въ рукѣ. Онъ былъ худощавъ, казался утомленнымъ, а юное лицо его, едва опушенное русой бородкой, своими мягкими, неувѣренными чертами, представляло контрастъ лицу Бѣльскаго, — бронзовому, изборожденному морщинами, съ чертами, какъ-бы высѣченными изъ стараго дуба. Это былъ помощникъ Бѣльскаго, техникъ Зайцевъ, котораго Бѣльскій называлъ просто Мишей. Украдкой взглядывая на Бѣльскаго, Миша пожимался. А тотъ, встрѣчая нерѣшительный, прятаншійся отъ него взглядъ, еще болѣе сердился.

— Ну, баста!—отрѣзалъ онъ, останавливаясь на краю площадки.

У подножія горы, откуда спускали уголь, лѣнились весь его убогій заводъ. Наскоро сколоченные бараки, крытые какъ заплатами плохо пригнаннымъ тесомъ, подъ лучами полуденнаго солнца казались безобразными грибами. Въ сторонѣ, у рѣки, весело блисталъ желѣзной крышей барскій домъ съ мезониномъ. А напротивъ него, на другомъ берегу, круто подымался щетинистый великанъ, точно грозя и дому и поселку и той неустанной энергіи, съ которой червяки-люди копошились въ нѣдрахъ великанши-сестры...

Бѣльскій иронически улыбнулся: никогда еще убожество человѣческое такъ рѣзко не подчеркивалось величіемъ горъ, красотою свѣтлаго дня, нарядомъ сверкавшей рѣки и свѣжей зеленью просвѣтлѣвшихъ подъ зноемъ солнца, сосенъ. Взглядъ его побѣжалъ дальше, вверхъ по теченію рѣки и тамъ остановился на другомъ поселкѣ, прильнувшемъ къ другой горѣ. Отсюда видны были ряды заново срубленныхъ избъ, крытыхъ желѣзомъ, длинные сараи и большое каменное зданіе съ заводской трубой. На солнцѣ сверкали желѣзо и стекло; изъ трубы лѣниво ползъ, какъ-бы удрученный зноемъ, грязный дымъ. Этотъ видъ тоже былъ хорошо знакомъ ему. Отсюда онъ ежедневно слѣдилъ, какъ воздвигались новыя постройки у сосѣдей, какъ выросалъ заводъ и лѣзла къ верху дерзкая заводская труба. По мѣрѣ того, какъ тамъ создавалась стройная картина, какъ закипала жизнь, дымила труба, какъ потянулись отъ шахтъ къ складамъ поѣзда вагонетокъ, влекомые сытыми лошадьми, въ Бѣльскомъ что-то наро-